

УДК 93
ББК 63.3
Н - 32

Насонов Александр Александрович, соискатель кафедры общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин Академии сферы социальных отношений

**ЛИБЕРАЛЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ О ХАРАКТЕРЕ НОВОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (1921-1929 гг.)**
(рецензирована)

Статья посвящена анализу взглядов либеральных мыслителей России на характер и перспективы развития страны в условиях новой экономической политики. Автор анализирует выступления, появившиеся в периодике Русского Зарубежья в 1920-е годы.

Ключевые слова: *российский либерализм, новая экономическая политика, Русское Зарубежье.*

Nasonov Alexander Alexandrovich, seeker of the Department of Arts and Socio-Economic disciplines of the Academy of Social Relations

RUSSIAN LIBERALS ON THE NATURE OF NEW ECONOMIC POLICY (1921-1929-s)
(Reviewed)

This article analyzes the views of Russian liberal thinkers on the nature and prospects of development in the new economic policy. The author analyzes the statements, which appeared in periodicals of Russian abroad in the 1920s.

Keywords: *Russian liberalism, the new economic policy, the Russian Diaspora.*

Характеризуя значительную аналитическую работу, проделанную теоретиками российского либерализма в сфере осмысления феномена новой экономической политики, следует в первую очередь учитывать, что она представляет собой особую ценность, поскольку была выполнена людьми, обладающими высоким уровнем культуры, значительным творческим потенциалом и ориентированными на новейшие достижения мировой науки. М.Д. Карпачев совершенно справедливо подметил, что в России либеральные идеи «отражали не столько интересы, сколько идеалы просвещенных поклонников европейской культуры» [1]. На наш взгляд, это придает работам либеральных идеологов Русского Зарубежья 1920-х гг., представлявших собой довольно узкий слой интеллектуалов, дополнительную значимость.

Большинство видных либералов в ходе революционных потрясений 1917-1920 гг. были вынуждены покинуть Родину. Однако они напряженно следили за событиями

в России, детально анализируя происходившие здесь изменения. Мечтая о падении большевизма и возвращении страны на европейский путь развития, все же в массе своей либералы делали ставку на мирное обновление. Именно поэтому переход большевиков к нэпу вызвал в их среде значительное оживление.

Наибольшее значение в начале 1920-х гг. имело выяснение вопроса о причинах перехода к новой экономической политике и возможных перспективах перерождения большевистского строя. В данном контексте нужно признать, что, как не парадоксально, в оценке причин столь резкого поворота либеральные теоретики, в общих чертах, были солидарны с лидерами большевиков. Главное значение они придавали угрозе утраты правящей партией политической власти. В частности, на заседании Парижской группы кадетов 18 августа 1921 года П.Н. Милюков прямо указал на вынужденность нэпа боязнью большевиков потерять власть [2]. О корыстных интересах «головки» коммунистической партии, как причине нэпа, писал и создатель «Экономического кабинета» С.Н. Прокопович [3]. Аналогичные взгляды высказывали многие другие либералы.

Констатируя ограниченность нэпа, ее обусловленность временными интересами правящей касты большевиков, либералы Русского Зарубежья не поверили в политику, не имевшую серьезных перспектив в первую очередь в связи с правовой необеспеченностью любой хозяйственно-экономической деятельности в условиях всевластия большевистской партии [4]. В данном контексте о возможном перерождении большевистской России говорила лишь незначительная часть левых кадетов. Большинство видных российских либералов считали такую перспективу нереальной. В частности, реагируя на подобные прогнозы, высказанные Е.Д. Кусковой в статье «Или – или», П.Н. Милюков прямо заявил: «Мы не верим в этот путь эволюции» [5].

Еще более скептически в отношении нэпа были настроены правые либералы, по мнению которых, новая политика большевиков являлась в основе своей политикой «старой» (СЭП), только с некоторым налетом «накипи», то есть, осложненная и запутанная рыночными отношениями: «НЭПа как такового нет. Есть нэповская внешность, игра в НЭП», в которой «частные посредники наживаются на том, что помогают одному государственному учреждению найти другое» [6].

По мнению российских либералов, новая экономическая политика особенно ярко высветила общую несостоятельность политики большевиков, ее утопизм, экономическую бессмысленность и историческую «нелепость» коммунистического эксперимента. Не столько вызванная состоянием войны, сколько отражавшая их истинные намерения, политика «военного коммунизма» разрушила производство, повлекла за собой деморализацию сферы труда, по сути, поставила страну на грань гибели [7]. Развивая в последующем эту мысль, П.Б. Струве скептически заметил: «Паразитическая власть не могла существовать одними старыми запасами более пяти лет. Когда запасы были исчерпаны, пришлось прибегнуть к НЭПу» [8].

По сути, «правые» первыми обратили внимание и на взаимосвязь нэпа с перерождением идеи «мировой революции». В частности, С.С. Ольденбург расценивавший его как

«легкое отпущение вожжей» [9], отмечал: «Раньше большевики говорили о революции, теперь эта дилемма так не звучит и становится более невыгодной. Политика большевиков – способ протянуть еще какое-нибудь время, лишена планов на будущее» [10].

Впрочем, термин «планы» здесь следует воспринимать в качестве определения объективной перспективы развития, будущего - как ясно сформулированной системы социально-экономических преобразований. Поэтому отсутствие «планов» означает скорее отсутствие продуманной программы хозяйственного строительства. В данной связи показательным представляется указание газеты «Руль» на крайнюю импульсивность нэпа, свидетельствовавшую о доминирующей ориентированности большевиков на решение текущих проблем вне видения широкого исторического контекста: «Каждый день что-либо новое, что ни день, то новые грандиозные планы и замыслы» [11].

Однако на деле это означало, что большевики действовали в основном «по обстоятельствам» стихийно переходя от одной «уступки» в экономике к другой. Обилие, «громადье» планов свидетельствовало лишь об идейном бессилии, а также о зыбкости фундаментальных основ развития. В частности, С.Н. Прокопович указывал не только на экономический, но и на культурный крах, на разрыв с исторической традицией. «Преступный, отцеубийственный разрыв с великим национальным прошлым» [12], являлся, по его мнению, одной из наиболее серьезных утрат нового времени.

Показательно, что, констатируя бесперспективность развития на сомнительной основе тотального отрицания, либералы обвиняли в бедах России далеко не только большевиков. Они были довольно критичны в оценке всех российских политических сил. Немало (особенно у левых) было и самокритики. Вместе с тем, в работах ряда мыслителей ставился вопрос и об исторической ответственности всего народа. Так, в своем письме В.В. Шульгину В.А. Маклаков в 1925 г. писал: «Россия оказалась предоставленной самой себе, т.е. усмотрению своего негосударственного и некультурного большинства, которое, как всякое большинство, создает диктатора, который это же большинство притесняет» [13].

Анализируя новую экономическую политику, либералы Русского Зарубежья обращались к самым различным ее аспектам. При этом оценки большевистских экономических программ, как правило, оставались крайне негативными. К примеру, они остро критиковали промышленную политику большевиков, особенно ее социальные аспекты. Так, характеризуя итоги революции для «гегемона», ведущего социального слоя государства «диктатуры пролетариата», «Дни» язвительно отмечали: «рабочий класс, якобы владеющий фабриками и заводами, никакой выгоды от этого не получил и работает по 14 часов в сутки» [14].

Весьма скептически либералы оценивали и аграрную политику большевиков, в частности, их надежды на потенциал развития кооперативного движения. Так, по мнению видного экономиста А.Н. Анцыферова, кооперативная и социалистическая формы хозяйствования, по сути, являлись антиподами. Попытки оценить их как родственные уклады он образно оценил как своего рода попытку «считать

организованную банду жуликов, грабящих банк под предлогом революционных целей, истинно кооперативным товариществом» [15].

Констатируя состояние хозяйственной разрухи и невозможность эффективного хозяйствования на базе нэпа, особое внимание либералы уделяли вопросу возможной иностранной помощи советской России. По их мнению, понимая свою слабость, большевики стремятся в различных формах привлечь зарубежный капитал (концессии, займы и пр.). В целом, такая политика считалась ими довольно циничной. При этом если «левые» кадеты все же признавали это важным средством возрождения страны, то правые, напротив, выражали самые серьезные опасения. При этом обращаясь к лидерам Запада, они указывали на недопустимость поддержки «диктатуры» западными странами. В то же время, для российского читателя акцент делался на характеристике внешней политики большевиков как политики колониальной окраины, «политики двойной измены» (и национальным интересам страны, и социалистическим идеалам) [16].

Характеризуя экономическую политику большевиков как спонтанную, либералы все чаще отмечали ее неустойчивость, «неясность», в результате чего, с одной стороны, в политической сфере, по сути, сохранялся «военный коммунизм». С другой стороны, напротив, торжествовали разноплановые, но, в целом, сомнительные тенденции – усиление государственного регулирования в сфере производства и обращения («государственная спекуляция»), увеличение налоговой нагрузки, рабочего дня и т.д. [17]. Безусловно, это серьезно дезорганизовало население, порождая в различных его слоях самые разноплановые ожидания.

На закате нэпа значительный интерес российские либеральные экономисты проявляли и к советскому опыту перспективного планирования. В основном их оценки также были весьма критичны. Так, к примеру, Б.Д. Бруцкус, признавая известные успехи планового хозяйства, указывал на возможные негативные последствия планирования. По его мнению: «Осуществить планы еще можно, но учесть все неисчислимы, и подчас роковые последствия осуществляемых планов крайне трудно». Более того, крайне неожиданным в данном случае могло оказаться влияние факторов субъективного плана. Ведь в зависимости от качества правящей группировки, уровня ее подготовленности, в подготовке и реализации планов может обнаружиться не только «организованный разум», но и «организованное безумие» [18].

Таким образом, либералы Русского Зарубежья обращали особое внимание на опасность отказа от рыночных регуляторов при разработке и реализации экономической политики государства. Исходя из такого понимания, уже с середины 1920-х гг. они констатировали, что политика нэпа себя изжила [19]. Фиксируя усиление государственного диктата в социально-политической и хозяйственно-экономической сферах, либералы (прежде всего, правые) пришли к выводу о торжестве утопического курса, в исторической перспективе неизбежно обреченного на

провал. При этом отдельные исследователи впервые провели прямые параллели между большевизмом и фашизмом [20].

В целом, оценивая либеральную аналитику новой экономической политики большевиков, следует признать, что, несмотря на некоторую, вполне объяснимую тенденциозность выводов, порожденных надеждами на возможное падение Советской власти, мыслители Русского Зарубежья сумели глубоко и всесторонне оценить состояние и перспективы развития страны. При этом они показали, что реальное развитие рыночных начал несовместимо с характером существующего политического режима и не может быть устойчивым без коренной его ломки.

Литература:

1. Российский либерализм: теория, программа, практика, персоналии: сб. науч. ст. Орел, 2009. С.290.
2. Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. М., 1997. Т.5. С. 186.
3. Экономический вестник. 1923. №1. С.53-54.
4. Вишняк М.В. На Родине // Современные записки. 1921. №8. С.362.
5. Последние новости. 1923. 13 окт.
6. Руль. 1922. 9 нояб.
7. Струве П.Б. Итоги и сущность коммунистического хозяйства: речь, произнесенная на съезде представителей русской промышленности и торговли в Париже. Париж, 1921. С.7-9.
8. Возрождение. 1925. 10 июня.
9. Ольденбург С.С. Русские дела // Русская мысль. 1921. №5-7.
10. Русская мысль. 1924. № 12. С.41.
11. Руль. 1922. 10 авг.
12. Прокопович С.Н. Прошлое, настоящее, будущее // Русская мысль. 1922. №1-2. С.4.
13. Цит. по: Евреи и русская революция. Материалы и исследования / ред-сост. О.В. Будницкий. М.; Иерусалим, 1999. С.403.
14. Дни. 1922. 9 нояб.
15. Анцыферов А.Н. О природе и сущности кооперации (этюд) // Записки Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге. 1926. №4. С.22.
16. Струве П.Б. Указ. соч. С.27.
17. Дни. 1924. 24 июля.
18. Бруцкус Б.Д. Народное хозяйство Советской России, его природа и его судьба // Современные записки. 1929. №38. С.430.
19. Прокопович С.Н. Что дал России НЭП? // Русский экономический сборник. Прага, 1926. Т.V. С.71-72.
20. Вишняк М.В. Миф Октября // Современные записки. 1927. №33. С.364-370.